

СТАЛИН И НЕЗАВИСИМЫЙ ПАКИСТАН

В. П. Кашин¹

По мнению автора статьи, Пакистан не был для И. В. Сталина экзотической, диковинной страной. Stalin был знаком с проблемами современного ему Пакистана, возлагал надежды на сотрудничество с ним и 2 июня 1949 г. пригласил главу пакистанского правительства Лиаката Али Хана посетить Москву с официальным визитом. В 1948–1949 гг. Советский Союз закупил в Пакистане партию хлопка и джута и оказал ему помощь, поставив 124 тыс. тонн пшеницы. Одновременно с экономическими развивались советско-пакистанские культурные связи. В ноябре 1949 г. в Пакистане находилась делегация советских литераторов. Однако в мае-июне 1950 г. Лиакат Али Хан посетил США и Канаду, и на этом потепление в советско-пакистанских отношениях завершилось. Оно было непродолжительным и охватывает период с весны 1948 г. по конец 1949 г. После этого Stalin переключил внимание на Индию. Как показатель растущего интереса Сталина к Индии можно рассматривать приемы им 14 января 1950 г. и 5 апреля 1952 г. посла Индии в СССР Сарвепалли Радхакришнана и 17 февраля 1953 г. его преемника К. П. Ш. Менона.

Ключевые слова: СССР, Пакистан, Stalin, Лиакат Али Хан, дипломатические отношения

Для цитирования: Кашин В. П. Stalin и независимый Пакистан. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 187–194. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-187-194

STALIN AND THE INDEPENDENT PAKISTAN

Valeriy P. Kashin

According to the author, Pakistan was neither an exotic nor an unusual country for I.V. Stalin. Stalin was acquainted with the problems of the contemporary Pakistan; he put his hopes in cooperation with Pakistan, so on June 2, 1949 he invited the head of the Pakistani government, Liaquat Ali Khan to pay an official visit to Moscow. In 1948–1949, the Soviet Union purchased a batch of cotton and jute in Pakistan, and helped Pakistan with the shipment of 124,000 tons of wheat. Soviet-Pakistani cultural ties strengthened simultaneously with the economic ones. In November 1949, a delegation of Soviet literature workers visited Pakistan. However, in May-June 1950 Liaquat Ali Khan visited the USA and Canada, and this brought the warming of Soviet-Pakistani relations to the end. The warming of relations was not long and lasted since the spring of 1948 until the end of 1949. Since then, Stalin diverted his interests to India. Official receptions of the ambassador of India in the USSR, Sarvepalli Radhakrishnan on January 14, 1950 and April 5, 1952, and of his successor, K. P. S. Menon on February 17, 1953, were the signs of the growing interest of Stalin in India.

Keywords: India, feminism, women's movement, emancipation, women's rights, suffragettes, cultural code

For citation: Kashin V. P. Stalin and the Independent Pakistan. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 187–194. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-187-194

¹ Кашин Валерий Петрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; indology@mail.ru

Valeriy P. Kashin, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; indology@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0119-9157

Генералиссимус, «отец народов» и «Ленин сегодня», Иосиф Виссарионович Сталин возлагал надежды на установление отношений и сотрудничество между СССР и Пакистаном и пригласил главу пакистанского правительства Лиаката Али Хана посетить Москву с официальным визитом. После того, как этот визит не состоялся и все планы, связанные с ним, себя не оправдали, он и его окружение стали ориентироваться на диалог с соседней Индией.

От дипломатических отношений к обмену послами

Так получилось, что при И. В. Сталине Советский Союз устанавливал дипломатические отношения с Пакистаном дважды. Первый раз это произошло 13 апреля 1947 г. В конкретном случае советская сторона вела переговоры с временным правительством колониальной Индии кануна «передачи власти», в состав которой до 14 августа того же года входили Западный Панджаб, Синд, Белуджистан, Северо-Западная пограничная провинция и Восточная Бенгалия, а также дистрикт Силхет провинции Ассам. А второй раз — 1 мая 1948 г., уже после того, как Западный Панджаб, Синд, Белуджистан, Северо-Западная пограничная провинция и Восточная Бенгалия, а также дистрикт Силхет провинции Ассам получили независимость и название Пакистан, до 23 марта 1956 г. — доминион, а в дальнейшем — Исламская Республика.

Западную и восточные части Пакистана разделяла территория Индийского Союза, и они отстояли друг от друга на расстояние в 1500 километров по прямой. «Такое государство не может долго существовать», — прокомментировал Сталин карту новых британских доминионов в 1947 г. [Andrew, Mitrokhin, 2005, p. 347]. Высказанное им суждение впоследствии часто повторяли сотрудники Отдела стран Юго-Восточной Азии МИД СССР. События 1971 г. и создание Народной Республики Бангладеш подтвердили обоснованность этих слов.

В 1948 г. дипломатическая инициатива исходила от пакистанской стороны. 13 апреля министр иностранных дел Пакистана Ч. Зафрулла Хан обратился к находящемуся в Нью-Йорке заместителю министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с предложением установить дипломатические отношения между СССР и Пакистаном. Правительство СССР ответило согласием. 1 мая 1948 г. произошел обмен нотами между министерствами двух стран. В тексте ноты министра иностранных дел Пакистана на имя министра иностранных дел Советского Союза В. М. Молотова говорится: «Ваше Превосходительство, мое правительство придерживается того взгляда, что, принимая во внимание многие вопросы, представляющие взаимный интерес для моего правительства и правительства СССР, будет полезно для обеих стран, если бы между двумя правительствами был установлен обмен дипломатическими представителями в ранге послов» [Правда, 02.05.1948]. Это решение получило поддержку пакистанской общественности. «Теперь фактом установления дипломатических отношений с Советским Союзом открываются новые возможности для улучшения взаимопонимания и установления более дружественных отношений. Теперь нет никаких препятствий для укрепления экономических связей между обеими странами», — отмечала влиятельная пакистанская газета “Dawn” в передовой статье [Dawn, 04.05.1948].

Намечалось, что первым послом Пакистана в СССР станет женщина, а именно депутат Учредительного собрания Бегам Шахнаваз. Однако кандидатура Шахнаваз не была утверждена ввиду ее отсутствия на заседании высшего законодательного органа [АВПРФ, ф. 0117, оп. 3, п. 2, д. 4, л. 1]. Возможно, что Бегам Шахнаваз опасалась соперничества со стороны Виджай Лакшми Пандит, посла Индии в Москве, сестры Неру и одной из первых красавиц своего времени. Поэтому 13 октября 1949 г. послом Пакистана в СССР был назначен Шуэб Куреши. Он обучался в Алигархском и Оксфордском университетах, по образованию юрист. Во время Балканской войны

1912–1913 гг. был членом индийской медицинской миссии в Турции, в 1930–1948 гг.—министром внешних сношений в княжестве Бхопал. Русский язык изучал в Праге в 1929 г. [АВПРФ, ф. 117, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 3]. Куреши прибыл в Москву 22 декабря 1949 г.

С 22 ноября 1949 г. по 12 февраля 1950 г. Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Пакистане номинально считался Иван Николаевич Бакулин, заведующий Отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР в 1948–1949 гг. и посол в Афганистане в 1943–1947 гг. Но в должность посла в Пакистане он не вступил по состоянию здоровья, и 13 февраля 1950 г. посолом СССР в Пакистане был назначен Александр Георгиевич Стеценко. У него высшее техническое образование. До 1930 г. он работал в Торгпредстве СССР в Японии, а с 1944 по 1950 г. был советником советского посольства в Великобритании. 18 марта 1950 г. Стеценко прилетел в Карачи.

Сталин и деколонизация Южной Азии

Сталин и руководство СССР с крайней подозрительностью и недоброжелательностью отнеслись к подготовке и проведению деколонизации Южной Азии. Немаловажное значение для формирования позиции советского правительства в рассматриваемый период имели установки идеологического характера. В первую очередь речь идет о довоенных оценках Сталиным национальной буржуазии колониальных и зависимых стран как «соглашательской» и «контрреволюционной» силы, вступившей в «сговор» с империализмом за спиной собственных народов. В «соглашательский» лагерь были отнесены представители наиболее влиятельных кругов индийской буржуазии и такие деятели, как Махатма Ганди. «Господа буржуа рассчитывают залить эти страны кровью и опереться на полицейские штыки, призвав на помощь людей вроде Ганди», — подчеркнул Сталин 27 июня 1930 г., в тот момент, когда в Британской Индии проходила Вторая общенациональная компания гражданского неповиновения 1930–1931 гг. [Сталин, 1949, т. 12, с. 252].

При непосредственном участии Сталина в программу Коминтерна было внесено положение о колониальной революции как пути достижения независимости угнетенными народами Востока. Ликвидация господства иностранного империализма увязывалась в ней с насильственными действиями малоимущих классов при одновременном свержении власти феодалов и помещичьей бюрократии, установлении демократической диктатуры пролетариата и крестьянства на основе Советов, организации революционной рабоче-крестьянской армии и перерастании буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую.

Процесс «передачи власти» в Южной Азии едва ли мог претендовать даже на отдаленное соответствие с подобного рода теоретическими построениями. Неслучайно советские периодические издания либо отказывались помещать информацию о ситуации на субконтиненте, либо представляли его освобождение не иначе, как «политический фарс», умело инсценированный колониальной администрацией.

Предвзятое отношение Сталина и руководства СССР было в немалой степени обусловлено политическим статусом доминионов, приобретаемым Пакистаном и Индийским Союзом. В Кремле были уверены, что в августе 1947 г. изменения затронули только верхние эшелоны власти и привели к замене администрации вице-короля соглашательскими буржуазными правительствами Лиаката Али Хана и Джавахарлала Неру.

При всем том позиция Кремля в отношении Пакистана в отличие от Индийского Союза отличалась некоторой лояльностью. Первым генерал-губернатором доминиона Пакистан был Каид-и азам, (Великий лидер) и руководитель массового движения за образование независимого государства мусульман на Индостане Мухаммед Али Джинна, тогда как первым генерал-губернатором

доминиона Индийский Союз — бывший вице-король Британской Индии лорд Маунтбэттен. Премьер-министра Индийского Союза Джавахарлала Неру И. В. Сталин вообще никогда не жаловал. По мнению Г. Г. Котовского, долгие годы руководившего Отделом Индии и стран Южной Азии Института востоковедения АН СССР, Сталин и его соратники считали Неру агентом американского империализма, а министр иностранных дел В. М. Молотов и его окружение причисляли индийского премьера к агентам британских спецслужб.

Советские военные круги исходили из того, что в случае войны с США, Англией и их союзниками Индия, будучи членом Британского Содружества, неизбежно выступит в качестве противника СССР, а индийские аэродромы и другие военно-стратегические объекты будут использоваться для нанесения бомбовых ударов по южным границам Советского Союза. В пользу ориентации Индии на военно-политическое сотрудничество с бывшей метрополией указывало и то обстоятельство, что из 19 английских генерал-майоров в Индии осталось 16, а из 280 бригадиров службу продолжали 260 [Правда, 10.08.1947]. В этой связи картина в Пакистане была несколько иной. Как заявил 8 мая 1948 г. на пресс-конференции в Карачи генерал-майор пакистанской армии Н. М. Рaza, количество английских офицеров в Пакистане составляло 394 человека, и почти все ключевые посты были заняты пакистанскими офицерами [АВПРФ, ф. 117, оп. 1, п. 1, д. 1, л. 6].

Первые вехи сотрудничества

Сталину было лестно личное обращение к нему главы временного правительства Свободного Кашмира Сардара Ибрагима с просьбой о помощи и признании. «Четыре миллиона населения Кашмира ходатайствует о поддержке со стороны свободолюбивого правительства и народа Советского Союза в этот критический час нашей борьбы за свободу против феодальной аристократии Магараджи, которого поддерживает Индийский Союз. Признание Вами нашего временного правительства окажет значительную помощь нашему благородному делу, а также вдохновит все прогрессивные силы мира в их борьбе за действительную свободу», — говорилось в телеграмме, направленной 4 ноября 1947 г. из Равалпинди в Москву [АВПРФ, ф. 0117, оп. 1, п. 1а, д. 2, л. 1]. Но Сталин не ответил на эту телеграмму, чтобы не нарушать линию СССР в «кашмирском вопросе» в Совете Безопасности ООН.

Создание в феврале 1948 г. Коммунистической партии Пакистана во главе с Саджад Захиром и ее легальная деятельность до июля 1954 г., в отличие от Коммунистической партии Индии, практически вынужденной с весны 1948 г. и до осени 1950 г. действовать в условиях подполья, также располагали Кремль к диалогу и сотрудничеству с Пакистаном [Белокреницкий, Москalenko, 2008, с. 107]. В 1948 г. Советским Союзом было закуплено и вывезено из Пакистана 33 тыс. тонн хлопка и 6,3 тыс. тонн джута-сырца на сумму 154 млн рублей и продано Пакистану товаров на 56 млн рублей, в том числе пшеницы 64 тыс. тонн и хлопчатобумажных тканей 4 млн метров. На 15 февраля 1949 г. СССР закупил в Пакистане 6 тыс. тонн джута-сырца и 2 тыс. тонн хлопка на сумму 20 млн рублей. На это же число он продал Пакистану 60 тыс. тонн пшеницы на сумму 37 млн рублей [АВПРФ, ф. 0117, оп. 3, п. 2, д. 7, л. 10]. Стало быть, в 1948–1949 гг. Советский Союз оказал помощь Пакистану, поставив 124 тыс. тонн необходимого продовольственного зерна. Аналогичная помощь Индии была оказана им только через два года и предусматривала поставки 100 тыс. тонн пшеницы.

Тогда же в Пакистане находилась советская торговая делегация во главе с заместителем министра внешней торговли СССР В. П. Мигуновым. Она прибыла в Пешавар из Кабула 24 июля 1949 г. в составе 12 человек. Пакистан проявил интерес к советским сельскохозяйственным машинам

и оборудованию, различным минералам, изделиям из кожи и шерсти, а СССР — к хлопку и джуту. Но стороны не сошлись в объемах поставок и ценовой шкале, и торговый договор не был подписан. Через три месяца советская делегация вернулась в Москву.

Одновременно с экономическими устанавливались и развивались советско-пакистанские культурные связи. Так, с 14 по 29 ноября 1949 г. в Пакистане находилась делегация советских литераторов, которая приняла участие в собрании Ассоциации прогрессивных писателей Пакистана (АППП), посетила Лахорский университет и встретилась с деятелями профсоюзов, пакистанскими журналистами и студентами Лахора и Карачи. Руководителем делегации был Николай Семенович Тихонов, известный советский поэт, писатель и публицист, лауреат трех Сталинских премий первой степени. В приветственной речи 19 ноября на встрече с 500 представителями профсоюзов в Лахоре он пожелал успехов рабочим, крестьянам и трудовой интеллигенции Пакистана и призвал укреплять дружескую связь между советским и пакистанским народами. Гостей приветствовали лозунгами: «Да здравствует Советский Союз — великий борец за дело мира во всем мире!», «Да здравствует товарищ Сталин — вождь мирового пролетариата!» и «Да здравствует Красное Знамя — символ передового прогрессивного человечества!» [АВПРФ, ф. 117, оп. 3, п. 2, д. 9, л. 41]. К сожалению, не обошлось без эксцессов. 18 ноября советские писатели подарили пакистанским коллегам 36 книг и около 400 фотоснимков и журналов о жизни в СССР, но утром следующего дня полиция их изъяла во время обыска квартиры секретаря АППП [Правда, 22.11.1949]. По окончании визита члены советской делегации пригласили пакистанских литераторов посетить в 1950 г. Советский Союз, но приглашение это осталось нереализованным.

Нематериализовавшийся визит премьера

Апогеем советско-пакистанского сближения эпохи Сталина стало сенсационное приглашение главы правительства Пакистана Лиаката Али Хана в Москву с официальным визитом. Дело обстояло следующим образом. 16 мая 1949 г. премьер-министр Пакистана прибыл из Каира в Тегеран и в беседе с поверенным в делах СССР в Иране Али Абдул оглы Алиевым выразил желание увидеть Сталина. Информация была оперативно передана в Москву. Приглашение Лиакату Али Хану, подписанное Сталиным, датировано 2 июня 1949 г. В российских архивах документ не обнаружен. 4 июня приглашение было передано в посольство Пакистана в Тегеране, и 8 июня с ним ознакомился Лиакат Али Хан [Kundi, Afridi, 2018, р. 136]. 5 июля он сообщил, что предполагает выехать в Москву 20 августа на 10–14 дней и намерен встретиться с советскими руководителями, ознакомиться с экономическим планированием, развитием промышленности и сельского хозяйства и повышением образования и культуры в СССР. Он хотел бы также посетить одну или две мусульманские республики и надеется, что советское правительство пришлет за ним самолет [АВПРФ, ф. 0117, оп. 4, п. 3, д. 10, л. 5].

Ему был дан ответ, что удобной датой его прибытия в Москву для принимающей стороны является 15 августа. Лиакат Али Хан, сославшись на то, что 14 августа — национальный праздник Пакистана, высказал пожелание прилететь 18 августа. На это ему сообщили, что с 20 августа и до начала ноября у советского руководства обычно отпускной период. Тогда он принял решение вылететь в СССР 7 ноября. 18 октября Высокий комиссар Пакистана в Индии приспал послу СССР в этой стране К. В. Новикову паспорта Лиаката Али Хана, его жены и 8 сопровождающих их лиц с просьбой выдать въездные советские визы. В связи с этим 30 октября по поручению МИД СССР Новиков сообщил пакистанскому коллеге, что посещение Москвы премьер-министром

Пакистана «лучше всего осуществить после фактического обмена послами между Советским Союзом и Пакистаном» [АВПРФБ, ф. 0117, оп. 4, п. 3, д. 10, л. 7].

Но до обмена послами между СССР и Пакистаном Лиакат Али Хан в начале декабря 1949 г. принял приглашение президента Г. Трумэна посетить США. В справке от 19 января 1950 г. «О переговорах по вопросу приезда в СССР премьер-министра Пакистана», подготовленной помощником заведующего Отделом Юго-Восточной Азии М. Бахитовым и направленной министру иностранных дел А. Я. Вышинскому, высказываются сомнения в подлинности намерений премьер-министра Пакистана нанести визит в Советский Союз и целесообразности дальнейших переговоров по этому поводу. «Следует иметь в виду, что выраженное нам Лиакатом Али Ханом желание посетить Москву, как и вся шумиха, поднятая в конце 1949 г. в пакистанской печати вокруг возможной поездки Лиаката Али Хана в Москву, были направлены в основном на то, чтобы попугать Англию и выторговать у нее ряд уступок в пользу Пакистана в финансовых, торговых и экономических вопросах, а также заставить Англию более определенно поддерживать Пакистан в споре между Пакистаном и Индией по кашмирскому и другим вопросам», — утверждается в документе [АВПРФ, ф. 0117, оп. 4, п. 3, д. 10, л. 8]. Нет сомнений, что эта точка зрения была незамедлительно доведена до Сталина.

Во время визита в США и Канаду в мае-июне 1950 г. Лиакат Али Хан неоднократно выступал с заявлениями в поддержку позиции Вашингтона и его союзников по корейскому вопросу. Он даже хотел направить в Корею пакистанскую дивизию, но большинство министров его правительства выступило против, указав, что США не сдержали своих обещаний в отношении Кашмира [АВПРФ, ф. 0117, оп. 4, п. 3, д. 10, л. 12]. В связи с поездкой пакистанского лидера в США 12 июля 1950 г. в журнале «Новое время» в разделе «Из международной жизни» была помещена критическая заметка: «Лакейское усердие Лиаката Али Хана», а 25 июля 1950 г. в «Литературной газете» — заметка: «Ли Сын Ман пакистанского образца».

На пресс-конференциях в Нью-Йорке и Бостоне Лиакат Али Хан заявил, что собирается поехать в Москву, но не знает, когда, так как для него не было намечено даты приезда, хотя приглашение ему и было сделано. Последний раз он вернулся к этому вопросу осенью 1950 г., 17 ноября. В беседе с послом СССР в Пакистане Стеценко он пожаловался на то, что его поездка в Москву не состоялась «не по его вине, а из-за нежелания советской стороны видеть его в Москве и нежелания показать ему жизнь советских среднеазиатских республик, имеющих мусульманское население» [АВПРФ, ф. 0117, оп. 4, п. 3, д. 10, л. 16]. На этом потепление в советско-пакистанских отношениях завершилось. Оно было непродолжительным и охватывает период с весны 1948 г. по конец 1949 г.

Поворот к Индии

Одновременно с указанными событиями происходило сближение Москвы и Нью-Дели. После безрезультатного визита Неру в Вашингтон в октябре 1949 г. и отказа американской стороны предоставить Индии продовольственную помощь правительство Индии обратилось с аналогичной просьбой к Советскому Союзу. Как показатель растущего интереса Сталина к Индии можно рассматривать приемы им 14 января 1950 г. и 5 апреля 1952 г. посла Индии в СССР Сарвепалли Радхакришнана и 17 февраля 1953 г. его преемника К. П. Ш. Менона. Причем в последние годы жизни Сталин лично принял четырех послов иностранных государств, и два из них были послами Индии, а еще два — Франции и Аргентины.

В ходе первой беседы Радхакришнана и Сталина последний интересовался состоянием отношений Индии и Пакистана и общим языком этих стран. Радхакришнан отметил, что

индийско-пакистанские отношения остаются достаточно напряженными, и Пакистан пытается заручиться поддержкой мусульман всего мира. Радхакришнан обращался к Сталину «маршал», Сталин к Радхакришнану — «профессор». Первый вопрос индийского посла к советскому лидеру был — почему так трудно встретиться с ним. Когда вопрос перевели на русский язык, Сталин улыбнулся: «Трудно со мной встретиться? А что вы делаете сейчас?» [Satchidananda, Vohra, 1990, p. 121].

Разговор Сталина с Меноном получился более содержательным и продолжительным. Менон подробно рассказал о нем в книге «Летящая тройка» и выделил три главные, с его точки зрения, особенности Сталина — проницательность, суровость и простота в общении и личной жизни: «Все, что связано с ним, отличается простотой — его одежда, его комната, его манеры, его стиль речи. Есть что-то букалическое в том, как он говорит, и в его метафорах, напоминающих метафоры крестьян и пастухов. Это человек, чья воля сберегла Россию ради коммунизма, а коммунизм ради мира, который, как он считал, не устоял бы перед натиском Гитлера. Его воспринимают как «лидера и учителя всего прогрессивного человечества» не только в его собственной стране, но и далеко за ее пределами. Его портреты заняли место икон в каждом русском доме. При упоминании его имени аудитория в России встает с продолжительными аплодисментами, переходящими в овации. При этом лесть скатывается с него, как с гуся вода. В нем нет ни следа хвастовства или притворства» [Menon, 1963, pp. 30–31].

Сталин снова поднял языковой вопрос, в частности, происхождение языков хинди и урду и их отличие друг от друга. Он спросил Менона, верно ли, что у Пакистана есть свой язык? На что посол Индии ответил, что язык урду близок к хинди и отличается от него заимствованием персидских и арабских слов. «В этом случае он не может считаться национальным языком», — заключил Stalin [Menon, 1963, p. 28].

Разногласия между Индией и Пакистаном по «кашмирскому вопросу», признание Китайской Народной Республики и режима Бао Дао во Вьетнаме и намерение Пакистана присоединиться к Средневосточному оборонительному союзу Stalin оставил без комментариев. Но он высказал пожелание об объединении Пакистана и Индии в будущем в федеративное государство. «Это стало бы идеальным решением», — подчеркнул советский лидер [Menon, 1963, p. 29].

Согласно изложению Менона, Stalin заявил: «Как это примитивно!» в отношении политики «разделяй и властвуй», проводимой в течение долгого времени британскими колониальными властями на Индостане, и создания на субконтиненте государств на основе принципа религиозной принадлежности провинций [Menon, 1963, p. 29]. «Как все это абсурдно!»² — подвел он итог рассуждениям Менона о наличии исламских положений в конституции Пакистана и влиянии мулл на законодательство страны.

Таким образом, в глазах Сталина Пакистан не был экзотической, диковинной страной. «Отец народов» был знаком с проблемами современного ему Пакистана и имел собственное представление о путях их решения. В условиях «холодной войны» Stalin стремился обрести в лице Пакистана возможного союзника СССР в Южной Азии, а когда это не удалось, переключил внимание на Индию. При этом, что важно подчеркнуть, его личные симпатии и антипатии уступали место политической целесообразности, масштабности поставленных задач и текущим целям и интересам. Таково было веяние времени, и с этим приходилось считаться даже Stalinу.

² Three Conversations of J. V. Stalin an Indian Ambassadors 1950–1953. URL: <https://www.revolutionarydemocracy.org/rdv12n1/3convers.htm> (дата обращения: 05.08.2023).

Литература / References

Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). The Foreign Policy Archive of the Russian Federation (FPARF), ф. 0117, оп. 1, п. 1а, д. 2, л. 1.

АВПРФ (FPARF), ф. 0117, оп. 3, п. 2, д. 4, л. 1.

АВПРФ (FPARF), ф. 0117, оп. 3, п. 2, д. 7, л. 10.

АВПРФ (FPARF), ф. 0117, оп. 4, п. 3, д. 10, лл. 5, 7, 8, 12, 16.

АВПРФ (FPARF), ф. 117, оп. 1, п. 1, д. 1, л. 6.

АВПРФ (FPARF), ф. 117, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 3.

АВПРФ (FPARF), ф. 117, оп. 3, п. 2, д. 9, л. 41.

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. *История Пакистана. XX век.* М., 2008 [Belokrenitsky V. Y., Moskalenko V. N. *History of Pakistan. The 20th Century.* Moscow, 2008 (in Russian)].

Правда, 10.08.1947 [*Pravda*, 10.08.1947].

Правда, 02.05.1948 [*Pravda*, 02.05.1948].

Правда, 22.11.1949 [*Pravda*, 22.11.1949].

Сталин И. В. *Собрание сочинений.* Т. 12. М., 1949 [Stalin J. V. *Collected Works.* V. 12. Moscow, 1949 (in Russian)].

Andrew C., Mitrokhin V. *The Mitrokhin Archive II. The KGB and the World.* London, 2005.

Dawn, 04.05.1948.

Kundi M. A., Afridi M. K. Why Visit to Moscow not Materialized: Myths and Realities. *Journal of the Research Society of Pakistan.* 2018.1. Pp. 131–141.

Menon K. P.S. *The Flying Troika.* London, 1963.

Three conversations of J. V. Stalin an Indian Ambassadors 1950–1953. URL: <https://www.revolutionarydemocracy.org/rdv12n1/3convers.htm> (дата обращения: 05.08.2023).

Satchidananda M., Vohra A. *Radhakrishnan: His Life and Ideas.* New York, 1990.